

ТРАНСИСТОРИЗМ И НОВЫЙ РЕЖИМ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Дмитрий Геннадьевич Горин

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
dm.gorin@mail.ru

Аннотация. Возвращение интереса к историческому прошлому и конфликты по поводу его интерпретации автор связывает с существенными изменениями в исторической культуре и режиме исторической темпоральности. Публичные репрезентации истории в условиях современных трансформаций апеллируют преимущественно не к разуму и достоверности, а к воображению, аффектам, зрелищности и чувству причастности. Эти изменения связаны с глобализацией, цифровизацией и переориентацией современного общества с производства на потребление. В исторической культуре следствием этих трансформаций становятся множественность, виртуализация и презентизм. Это провоцирует размывание чувства исторической длительности и образов будущего. Образы прошлого подчиняются ретроактивной логике экстраполяции актуальных представлений. Обращение к большим историческим нарративам в этих условиях не позволяет, как это было ранее, достигать социальной интеграции, а наоборот, провоцирует конфликты. Новые войны памяти характеризуются «гибридным историзмом», который рассматривается как продукт трансформации фрагментов больших нарративов, функционирующих в принципиально изменившемся обществе. Наряду с признаками, свидетельствующими о кризисе прежней модели репрезентации истории, наблюдаются новые тенденции. Они проявляются, в частности, в пересборке истории во множественных перспективах трансисторизма, который способствует сосуществованию антиномизма и конформизма, принятия различий и установления границ собственной идентичности, игрового начала и стремления к подлинности. Новый режим темпоральности рассматривается в контексте снятия противоречия между прогрессистским духом модернизма и деконструкцией историзма в постмодернистской идее «постистории». Темпоральность трансисторизма определяется нелинейностью времени культуры, в которой происходят сложные взаимодействия сконструированного, деконструированного и реконструированного, утраченного, приобретенного и восстановленного.

Ключевые слова: историческая темпоральность, время, историзм, трансисторизм, «гибридный историзм», виртуализация, публичная история

Для цитирования: Горин Д.Г. Трансгисторизм и новый режим темпоральности в современной исторической культуре // Концепт: философия, религия, культура. — 2021. — Т.5, №2. — С. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20>

Research article

TRANSHISTORICISM AND A NEW REGIME OF TEMPORALITY IN MODERN HISTORICAL CULTURE

Dmitry G. Gorin

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia
dm.gorin@mail.ru

Abstract. The author associates the return of interest in the historical past and conflicts over its interpretation with significant changes in the historical culture and in the regime of historical temporality. Public representations of history in the context of modern transformations appeal mainly not to reason and authenticity, but to imagination, affects, entertainment and a sense of belonging. These changes are associated with globalization, digitalization and the reorientation of modern society from production to consumption. In historical culture, the consequences of these transformations are plurality, virtualization and presentism. This provokes a blurring of the sense of historical duration and images of the future. The images of the past obey the retroactive logic of extrapolation of current ideas. The appeal to historical grand-narratives in these conditions does not allow, as it was before, to achieve social integration, but on the contrary, provokes conflicts. The new wars of memory are characterized by the *hybrid historicism*, which is seen as a product of the transformation of fragments of the old grand narratives that now function in a fundamentally changed society. Along with the signs indicating the crisis of the previous model of representation of history, new tendencies are observed. They are manifested, in particular, in the reassembly of history in the multiple perspectives of transhistoricism, a revolutionary view of history unlike the traditional one, the approach which contributes to the coexistence of antinomianism and conformism, the acceptance of differences and the establishment of the boundaries of one's own identity, playfulness and the desire for authenticity. Thus, transhistoricism serves as a vehicle to promote coexistence of multiple stories that work together and through their interconnectedness help to overcome contradictions that once were deemed impossible to handle and to add to a shared sense of unity. The new regime of temporality is considered in the context of removing the contradiction between the progressive spirit of modernism and the deconstruction of historicism in the postmodern idea of *post-history*. The temporality of transhistoricism is determined by the nonlinearity of the time of culture, in which complex interactions of the constructed, deconstructed and reconstructed, lost, acquired and restored take place.

Keywords: historical temporality, time, historicism, transhistoricism, "hybrid historicism", virtualization, public history

For citation: Gorin, D. G. (2021) 'Transhistoricism and a New Regime of Temporality in Modern Historical Culture', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 5(2), pp. 8–20. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2021-2-18-8-20>

Конфликты интерпретации исторического прошлого, охватившие в последние годы многие страны и отношения между ними, представляют собой очевидные признаки возвращения истории в публичную сферу. Войны памяти вспыхивают сегодня в разных уголках мира, разворачиваются многочисленные конфликты, связанные с трактовкой национальных историй соседних государств, отношения между которыми не были однозначными. Не менее болезненные конфликты возникают и внутри стран. Обращение к богатому историческому прошлому Каталонии, например, обостряет конфликт с испанским правительством. Тенденции реабилитации сталинизма в России вызывают протест со стороны репрессированных народов Северного Кавказа. В США конфликты, связанные с памятниками конфедератам, обостряют современные противоречия американского общества.

Однако вряд ли это может свидетельствовать о возвращении того самого историзма, который определял социальное и политическое мышление до провозглашённого Ф. Фукуямой на рубеже 1980-1990-х гг. «конца истории» [Fukuyama, 1992]. Речь, видимо, идёт о принципиально новом феномене публичного бытия истории, анализ которого требует выявления изменений в исторической культуре и характерном для неё режиме исторической темпоральности.

Историческую культуру М.А. Барг рассматривал через призму исторического сознания, которое является «структурирующим элементом культуры, поскольку в каждую данную эпоху в нем отражались господствующие представления о мире и месте в нем человека, об обществе, рассматриваемом сквозь призму пространства и времени» [Барг, 1987: 3]. Поскольку понятие «историческая культура» включает те аспекты культуры, которые связаны с разнообразными формами бытия исторического знания в повседневных формах производства идентичности сообществ, основной характеристикой её трансформации является изменение темпоральных оснований манифестации истории в различ-

ных формах социального опыта, включая повседневную жизнь, искусство, публичную политику. Речь идёт о характерных для той или иной культуры способах кодирования соотношения прошлого, настоящего и будущего, переживания длительности, включая дискретность и континуальность исторического времени и другие характеристики, задающие возможность конструировать социальные перспективы и ретроспективы. Режим темпоральности [Hartog, 2015; Ассман, 2017] отражает целостность проявления различных аспектов кодирования переживания времени и существенным образом определяет характерные для определённой культуры черты обращения к истории.

Возникновение режима темпоральности, характерного для современных обществ, относят, как правило, к XVIII в., когда в общественной мысли утверждается рационализм [Джеймисон, 2019: 450] и ориентация на «горизонт ожидания» [Koselleck, 2002; Козеллек, 2010]. Идея прогресса стала отражением сформировавшейся тогда культурной ориентации, которая соответствовала индустриальной модернизации, основанной на идее расширения производства и неуклонного увеличения ресурсов. Это способствовало распространению больших исторических нарративов, проявившихся прежде всего в литературной форме [Лукач, 2014]. Большие исторические нарративы позволяли конструировать широкие идентичности, включающие общие исторические ретроспективы и социальные перспективы, отражающие соотношение действительности и идеала, сущего и должного. Классические идеологии эпохи модерна опирались на собственные версии больших исторических нарративов, поскольку историческое время рассматривалось в контексте прогрессивного продвижения к идеалу. История в этих условиях интегрировалась в социальное и политическое мышление [Копосов, 2011] и приобретала существенную роль в поддержке идентичностей [Репина, 2007: 5-21], в том числе национальных [Вжосек, 2010: 5-13].

Биполярная система международных отношений, сложившаяся после Второй

мировой войны, поддерживалась идеологическим противостоянием, апеллировавшим к соответствующим версиям больших исторических нарративов. Поэтому распад этой модели Ф. Фукуяма связывал с «концом истории». Однако причины трансформации исторической культуры следует искать не столько в политической или идеологической сфере, сколько в фундаментальных трансформациях общества, которые существенным образом меняют кодирование переживания времени. Эти трансформации выражаются в разнообразных тенденциях, проявляющихся в девальвации идеи прогресса и связанных с ней больших исторических нарративов. В этих условиях историзм как принцип мышления также претерпевает существенные трансформации, связанные как с деконструкцией исторического времени в характерном для постмодернизма аисторизме, так и в новых формах конструирования исторических ретроспектив, например, в ностальгии [Бойм, 2019], ретротопиях [Бауман, 2019: 21], метаисторизме [Мета-модернизм, 2020: 83-210]. Трансисторизм представляет собой одну из возможностей пересборки истории в новых условиях.

Однако прежде, чем перейти к рассмотрению трансисторизма, следует обратиться к вопросу о том, что именно завершилось с «концом истории».

Ф. Фукуяма был ни первым и ни последним из тех, кто провозглашал «конец истории» и наступление эпохи, в которой разрешатся ключевые противоречия, поддерживавшие ранее переживание исторической драмы. Идея «конца истории» присуща любым историософским концепциям, представляющим историю как линейный телеологический процесс и приписывающим ей смысл и назначение. Эта идея проступает в историософии Г. Гегеля, интерпретируя которую А. Кожев предполагал откат от истории к витальным потребностям [Кожев, 2003]. Через Гегеля идея завершения истории переходит в марксизм. Ещё в 1861 г. А. Курно предполагал, что конец буржуазного общества приведёт к остановке исторической динамики. На его рассуждения ссылался Х. де Ман, который в изданной в 1951 г. книге «Искажение и

гибель культуры» [Ман, 1951] ввёл термин «постистория». Отдельного внимания заслуживает позиция Р. Зейденберга, который в 1950 г. издал книгу «Постисторический человек» [Seidenberg, 1950]. При всём многообразии «постисторического», его определения связываются, по мнению Д. Кампера, не со стремлением к иррациональности, а с «реальным принуждением "объективной неопределённостью" событий» [Кампер, 2006: 131-132]. У Кампера речь идёт о том, что происходящее не может быть определено, поскольку оно потрясает общепринятую аксиоматику, на которой строятся объяснения. Ф. Фукуяма «конец истории» связывал с завершением эпохи противостояния больших идеологий, каждая из которых воспроизводила свой исторический нарратив. Критики этой концепции вполне справедливо утверждали, что победившая в этом противостоянии идеология вряд ли справится с задачей репрезентации будущего мира, а глобализация встретит на своём пути целый ряд препятствий, некоторые из которых, возможно, окажутся роковыми.

Трансформации капитализма, который стал потребительским, глобальным и цифровым, видимо, действительно привели к распаду доминировавшего со второй половины XVIII в. режима темпоральности, хотя и не строго в том смысле, о котором писал Фукуяма. Основные причины его заката вряд ли определяются победой (весьма условной) одного идеологического нарратива. Их следует искать не только в ценностном релятивизме, который сопровождает закат больших идеологических проектов, и не только в том, что их взаимное разоблачение, как это предвидел ещё К. Манхейм [Манхейм, 1994: 41-42], подорвали доверие к мысли вообще и породили иррационализм и скептицизм. Эти тенденции могли бы объяснить кризис идеологизированных версий больших исторических нарративов, но распад охватил прежде всего событийную историю.

Как минимум три гипотезы, объясняющие распад событийной истории, сформулировал Ж. Бодрийяр [Baudrillard, 1994]. Первая состоит в невозможности конструирования истории, если исчезают её связи

с вещами и событиями. Утрата этих связей объясняется ускорением технического, коммуникационного и событийного обновления. Вторая гипотеза сводится к тезису о «замерзании» истории в инертной и индифферентной массовой культуре. Нейтрализованная медиакоммуникациями масса подобно «черной дыре» поглощает исторические события в многообразных и насыщенных взаимодействиях. И третья гипотеза связана с тезисом о невозможности в новой медиасреде изоляции истории от модели её постоянного «совершенствования». Такое «совершенствование» истории представляет собой её симуляцию в условиях, когда информационная экспансия становится безграничной. Если после XVIII в. историзм поддерживал веру в существующую «реальность» и в возможность эту «реальность» изменять, то распад этого образа мысли ведёт к утрате веры в существование мира, которая была диагностирована французскими постмодернистами. «Веры в существование мира, — вот чего нам не хватает больше всего; мы полностью потеряли мир, нас лишили его». Эти слова Ж. Делёза относятся прежде всего к утрате способности «вызывать к жизни даже незначительные события, которые ускользают от контроля, или же порождать новое пространство-время, даже с сокращенной поверхностью или объемом» [Делез, 2004: 225].

Распад событийной истории связан, во-первых, с характерным для общества потребления презентизмом и характерным для него отказом от метафизического мышления [Gumbrecht, 2004], а во-вторых, с виртуализацией. Если история превращается в объект потребления, то создание целостных образцов толкования истории оказывается затруднительным. Хотя бы потому, что производство чаще всего коллективно, а потребление, как замечает Ж. Бодрийяр, — всегда индивидуально [Бодрийяр, 2006: 116-117]. Поэтому в политических дискурсах система аргументации отсылает уже не к внешнему идеалу, а к функционированию определённых исторических контекстов и образов, которые вынужденно дробятся и фрагментируются. Виртуализация принципиально меняет

отношения должного и сущего, напряжённость между которыми представляла основную пружину историзма, определявшего и большие идеологические проекты, и связанные с ними исторические нарративы. Напряжённость между должным и сущим в историзме имела темпоральные характеристики: время истории воспроизводило различия между актуальной действительностью и возможностью достижения идеалов должного. Виртуализация не поддерживает такой образ мысли, поскольку предстает как «реальность», присущая себе самой и существующая из себя самой. Процессом обращения к виртуальному является не осуществление, а актуализация [Делез, 1998: 258-261]. В этом смысле виртуальное принципиально отличается от идеального, постулирование которого требовало ревностного следования изначальному концепту.

Именно эта ориентация на относительно стабильный идеальный концепт перестаёт быть чертой нового образа мысли. Виртуальное не нуждается в этой стабильности идеала, поскольку представляет собой множественность. Различие воспроизводится теперь в самом процессе актуализации виртуального, которая происходит мгновенно, без темпорального смещения между должным и сущим. В результате происходящих трансформаций на смену историческому времени, отражающему процесс становления и осуществления, приходит «реальное время» актуализации [Вирилио, 1996: 130-133]. Если историческое время определяется отношениями между прошлым, настоящим и будущим, то «реальное время» — это время виртуальной реальности, в которой конструирование хронологической последовательности истории оказывается затруднительным, если вообще возможным.

Если история сегодня возвращается в качестве объекта потребления, то её характер принципиально меняется: происходит «втягивание» прошлого в актуальные контексты, что оборачивается его «осовремениванием», свободными реинтерпретациями и бесконечными «новыми прочтениями». Рост ностальгических настроений также связан со стиранием различий меж-

ду прошлым и настоящим [Бойм, 2002]. Возникает иллюзия, будто бы прошлое не прошло, а сливается с растянувшимся реальным временем, в котором преодолевается асимметрия между историческим опытом и горизонтом ожиданий. С будущим происходит аналогичная метаморфоза. Образы будущего — желаемого, возможного или вероятного — распадаются на плохо совместимые фрагменты, а место целостных представлений о будущем занимают страх и расчёт рисков. Если прошлое размывается, а будущее не определено, то и настоящее время не переживается больше как переход от прошлого к будущему. Как писал З. Бауман, ретротопия «заменила идею “абсолютного совершенства” убеждённой в незавершённости и природной неустойчивости поддерживаемого порядка» [Бауман, 2019: 21]. Исторический опыт в результате этих трансформаций утрачивает свои привычные функции.

С «концом истории», таким образом, завершилась прежде всего эпоха её рациональных моделей, которые были подчинены не только целям идеологического противостояния, но и принципам научной достоверности (даже если исторические факты служили идеологическим, а не научным моделям). Как заметил Э. Хобсбаум, открытие новых исторических музеев, объектов наследия и исторических парков связано с созданием вымышленной истории — как для наций, так и для отдельных групп [Хобсбаум, 2017: 79]. Более того, в книге «Сториномика» речь идёт о том, что «проникнув через ментальную дверь, история естественным образом внедряется в наше сознание, увлекает и в дальнейшем влияет на наши решения, в том числе и на покупательский выбор». Поэтому история в современном сторителлинге определяется авторами как «обитель воображения» [Макки, Джерас, 2019: 66], направленного на манипулирование с целью провоцировать максимально возможные потоки туристов, ссылок и лайков.

Идеологическая борьба в условиях биполярного мира не допускала столь откровенного пренебрежения достоверностью. Большие исторические нарративы порождали существенные конфликты

между носителями разных исторических идентичностей, но все они восходили к универсальным принципам описания современных социальных и политических миров и, соответственно, содержали внутреннюю возможность для диалога. Публичные дискуссии, апелляция к научной рациональности и научному обоснованию исторических фактов — всё это способствовало диалогическому сосуществованию больших исторических нарративов, которые в условиях высокого уровня публичной критики должны были опираться на научную достоверность. В настоящее время эти основания существования больших исторических нарративов размываются и повышается опасность переклечения исторических репрезентаций с диалогичности на монологичность. Вернувшаяся в публичную сферу история апеллирует уже не к разуму и достоверности, а к аффектам и зрелищности. История превратилась в объект потребления, она перестала быть литературной и стала визуальной.

Указанные тенденции свидетельствуют о том, что современное общество претерпевает существенные трансформации и не может описываться старыми моделями, основанными на больших исторических нарративах. Последствия этих трансформаций наблюдаются в разных странах, где появляются признаки кризиса моделей развития, недовольство потребительством и меркантилизмом, разочарование и растерянность. Непредсказуемость, фрагментарность и случайность в политической сфере воспринимается намного более остро, чем изменения в социальной структуре общества или в системе экономических отношений. В этих условиях возникает угроза оторванности публичной сферы и политического процесса от фундаментальных изменений, происходящих в обществе. В результате публичная политика иррационализируется, происходит своеобразный сдвиг между рациональными моделями мира и субъективной психологической рефлексией. В современных политических кампаниях в разных странах мира эти тенденции отчасти проявляются в пропаганде, спекуляции на ностальгических чувствах, популизме, обращении к

этнонационалистической проблематике, изоляции и исключении меньшинств, а охватившая мир пандемия коронавируса провоцирует расцвет конспирологии, что лишь усугубляет ситуацию. Опасность этих тенденций в том, что основанием исторического нарратива оказывается не научная модель, а вымышленная конструкция, ведущая к стереотипизации истории и сведению её к мифологической поляризации добра и зла. В этом случае наиболее сильным аффектом, связанным с возвращением истории, становится ненависть. Современные противоречия опрокидываются в прошлое, а призраки прошлых войн объективируются в новых конфликтах.

Эти тенденции связаны с проявлением в исторической культуре такого феномена, который можно было бы назвать «гибридным историзмом». Он отражает общие тенденции «гибридизации» современной культуры [Бахманн-Медик, 2017: 232-239] и представляет собой продукт трансформации фрагментов прежних идеологизированных больших исторических нарративов, функционирующих в принципиально изменившихся условиях современного общества. Признаки научной достоверности отдельных фактов соединяются с мифологемами, достоверность которых проверить невозможно.

В условиях возвращения истории в публичную сферу возникает вопрос о том, какие возможны новые формы историзма и репрезентации истории, альтернативные упомянутому выше «гибридному историзму». Одной из очевидных перспектив переосмысления публичных форм репрезентации истории является трансисторизм, который достаточно отчётливо проявляется как тренд в кураторстве выставочной деятельности¹ [Bal, 2018; Crowther, 2002]. Его распространённость всё более очевидна в последние два десятилетия, когда термин «трансисторический музей» закрепляется в литературе. В современном музее трансисторизм позволяет проследить

сквозные мотивы в истории искусства, вовлекать современное искусство в диалог с искусством прошлых эпох, экспериментировать с комбинированием совершенно разных стилей и направлений, включая их в единое выставочное пространство, что способствует освобождению от сложившихся стереотипов в понимании соотношения традиции и новаторства в искусстве. В сборнике «Transhistorical Museum: Mapping the Field», опубликованном музеем Франса Хальса в Харлеме (Нидерланды), трансисторизм обосновывается не только с искусствоведческих, но и с более широких философских позиций [Transhistorical Museum, 2018].

Разумеется, трансисторический подход был известен и раньше, он распространялся в философских исследованиях, социальном и гуманитарном знании, искусствоведении. Однако современные трансформации исторической культуры и режима её темпоральности позволяют увидеть в трансисторизме новый тренд, связанный с переосмыслением тех изменений, которые проявляются после постмодернистской деконструкции истории и потребительского «схлопывания» исторического времени в точку «здесь-и-сейчас».

Если в основе режима темпоральности, характерного для историзма, лежит идея континуального линейного времени, а режим темпоральности, характерный для постмодернистского аисторизма опирается на идею дискретности точечного восприятия времени, которое З. Бауман сравнивал с картинами пуантилистов, то темпоральность трансисторизма характеризуется открытием множественных перспектив и ретроспектив, позволяющих не только видеть многообразие и нелинейность истории, но и создавать ряды исторических аналогий и ассоциаций по отношению к актуальной действительности.

Новый режим темпоральности, выраженный в трансисторизме, с одной стороны, освобождается от жёсткой логики

¹ Billard J. What is «Transhistorical Curation»? The Trend That's Sweeping Some of the World's Leading Arts Institutions // *Artspace*. – 2018. – 3 may. – URL: https://www.artspace.com/magazine/art_101/trend_report/what-is-transhistorical-curation-the-trend-thats-sweeping-some-of-the-worlds-leading-arts-55390 (Accessed: 05.05.2021).

историзма, основанной на поиске фундаментальных факторов развития, обеспечивающих целостное восприятие исторического процесса. Транссторизм в этом смысле вырастает из аисторического отрицания детерминирующего континуального линейного времени, характерного для эпохи «конца истории», когда большие исторические нарративы стали разрушаться под давлением глобальной трансформации (кстати, транссторизм как кураторский тренд в выставочной деятельности непосредственно вырастает из аисторической идеи освобожденного от времени «чистого» восприятия искусства вне зависимости от времени и исторического контекста). Но, с другой стороны, транссторизм противостоит аисторизму и открывает новые способы обращения к истории, позволяющие описывать идеи, представления или события как бы «сквозь» историю.

Любопытно, что М. Фрэзер², разрабатывающий транссторический подход в методологии политической теории, противопоставляет свою методологическую рефлексию транссторизма подходам, основанным как на историзме, так и на аисторизме. Он пишет, что традиционное разделение политической теории на «историю политической мысли» и «современную политическую философию» в британской традиции ассоциируется с историзмом «Кембриджской школы» и аисторизмом политических философов Оксфорда. Историзм «Кембриджской школы» хорошо известен и обоснован прежде всего К. Скиннером [Skinner, 1978] и Дж. Пококом [Rosock, 2009]. Но как отмечает М. Фрэзер, хотя политические философы Оксфорда не создали столь объёмного методологического обоснования аисторизма, многие из них, игнорируя историю, исходят, видимо, из идеи о том, что знание прошлого утрачивает актуальность в решении современных политических проблем. Обосновывая свою транссторическую политическую теорию, М. Фрэзер пишет, что транссто-

ризм — это прежде всего вопрос «перевода» практической мудрости прошлого в то, что можно использовать сегодня. Здесь речь идёт не только лишь о погружении в «языки» прошлого, как, например, у Дж. Покока, а о необходимости оценить их транссторические достоинства. Например, одним из мотивов транссторического обращения к прошлому является надежда на поиск выхода из современного кризиса на основе обращения к забытой практической мудрости.

Возвращение истории в публичную сферу связано с существенными проблемами в обращении к прошлому, которые ещё предстоит осмыслить. Если прошлое не воспринимается больше в характерной для историзма контекстуальной целостности и не может больше игнорироваться, то с ним могут устанавливаться непосредственные и весьма разнообразные связи. В частности, актуальные представления и этические нормы могут распространяться на любые исторические эпохи. Среди примеров такого ретроактивного распространения актуальных представлений следует назвать требования студентов Принстонского университета переименовать здание, названное в честь президента США Вудро Вильсона, который в 1902–1910 гг. занимал должность ректора университета, и серию конфликтов, связанных со сносом памятников конфедератам, воевавшим в годы гражданской войны на стороне Юга. В 2017 г. власти некоторых американских штатов демонтировали памятники конфедератам. Однако требования снести памятник генералу Роберту Ли, командовавшему силами конфедератов, вызвали осенью 2017 г. беспорядки в Шарлотсвилле, где в защиту мемориала выступили представители ультраправых.

В ближайшее время подобные проблемы, видимо, будут проявляться более часто, поскольку они вызваны характерными трансформациями исторической культуры. С одной стороны, если прошлое втя-

² Frazer M. Three Methods of Political Theory: Historicism, Ahistoricism and Transhistoricism (draft for presentation at the 2010 Canadian Political Science Association Annual Meeting). – 2010. – URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2010/Frazer.pdf> (Accessed 25.01.2021).

гивается в настоящее и различия между актуальной реальностью и прошлым стираются, то современные общества оказываются перед угрозой новых войн памяти, вызванных ретроактивной переинтерпретацией истории. С другой стороны, не менее опасной является и противоположная позиция, исходящая из морально-этического релятивизма. Под предлогом неприменимости современных представлений о добре и зле к оценкам прошлого происходит оправдание аморальных или даже преступных действий крупных исторических фигур. Избирательность применения морально-этических норм, их относительность ведёт к их опасной девальвации. Решение подобных проблем ещё предстоит найти в общественных дискуссиях.

Однако следует иметь в виду, что подобного рода конфликты связаны скорее с «гибридным историзмом», воспроизводящим черты универалистского определения исторического прогресса в условиях современного презентизма. Трансисторизм исходит из иных установок: в поисках взаимосвязей между современным и историческим он не ориентируется на поиск универсальных критериев оценки исторических событий и артефактов, предполагая их уникальность, с которой можно выстраивать некие актуальные отношения. Для трансисторизма характерно скорее стремление уловить не универсалии истории, а быстротечность и уникальность её разнообразных проявлений, связь с которыми может быть выявлена, как пишет Ч. Мартиндейл, в результате своеобразной трансисторической рецепции, основанной именно на различиях [Martindale, 2013: 173].

Темпоральность трансисторизма, отрицая как идею линейного времени прогресса, так и утверждение о «конце истории», определяется нелинейностью времени культуры, в которой происходят сложные взаимодействия своего, иного и чуждого, прошлого, настоящего и будущего, сконструированного, деконструированного и реконструированного, утраченного, приобретенного и восстановленного. Здесь наблюдается снятие противоречия между историческим духом модернизма, с характерной для него ориентацией на горизонт

ожидания, и деконструкции историзма в постмодернистской идее «постистории». Трансисторизм оказывается способным пересобирать оставшиеся после постмодернистской деконструкции фрагменты в новые целостности, которые могут быть основаны на новой континуальности исторического времени, однако эта континуальность множественна и не может быть тотальной. Постмодернистская деконструкция позволила обрести голос тем группам, которые не могли ранее влиять на создание больших исторических нарративов. В результате появились возможности для реализации многочисленных историй проигравших, историй жертв, историй меньшинств, репрезентаций которых связана в том числе и с постколониальным поворотом в социальном и гуманитарном знании [Бахманн-Медик, 2017: 217-282].

История, как известно, способна не только разделять людей, но и объединять их, преодолевая ксенофобию и социальную ненависть — межэтническую, межрелигиозную и основанную на социальных различиях, культурных ориентациях и политических предпочтениях. Современные общественные трансформации требуют открытости истории, в которой сосуществуют одновременно антиномизм и конформизм, принятие различий и установление границ собственной идентичности, игровое начало и стремление к подлинности. Трансисторизм в этом контексте может рассматриваться с точки зрения возможностей сосуществования множественных историй, которые перестают быть нишевыми, а вступают во взаимодействие друг с другом, способствуя снятию непримиримых ранее противоречий и преодолению чуждости. На смену элитизму модерна и антиэлитизму постмодерна приходит идея права на историю и самовыражение во множественных перспективах. Можно предполагать, что при определённых условиях трансисторизм будет способствовать формированию норм поведения, основанных на ценности личного достоинства, понимании сложности современного мира, умении успешно и конструктивно коммуницировать с носителями иных систем убеждения. Разумеется, в условиях

современной неопределённости, тран- очевидного возвращения общественного
сторизм остаётся пока лишь одной из воз- интереса к ней.
можностей пересборки истории в условиях

Список литературы:

- Fukuyama F. *The end of history and the last man*. — New York : Free Press, 1992. — 600 p.
- Барг М.А. *Эпохи и идеи : Становление историзма*. — Москва : Мысль, 1987. — 348 с.
- Hartog F. *Regimes of historicity presentism and experiences of time*. — New York : Columbia University Press, 2015. — XXII, 262 p.
- Ассман А. *Распалась связь времен? : взлет и падение темпорального режима Модерна*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 272 с.
- Джеймисон Ф. *Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма*. — Москва : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. — 799 с.
- Koselleck R. *The practice of conceptual history : timing, history, spacing concepts*. — Stanford : Stanford University Press, 2002. — XIV, 363 p.
- Козеллек Р. *К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — С. 21–33.
- Лукач Г. фон. *Исторический роман*. — Москва : Common Place, 2014. — 178 с.
- Копосов Н.Е. *Память строгого режима. История и политика в России*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2011. — 315 с.
- Репина Л.П. *Память и знание о прошлом в структуре идентичности // Диалог со временем*. — 2007. — № 21. — С. 5–21.
- Вжосек В. *Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем*. — 2010. — № 30. — С. 5–13.
- Бойм С.Ю. *Будущее ностальгии*. — Москва : Новое литературное обозрение, 2019. — 671 с.
- Бауман З. *Ретротопия*. — Москва : ВЦИОМ, 2019. — 156 с.
- Метамодернизм. *Историчность, аффект и глубина после постмодернизма / Робин ван ден Аккер [и др.]* — Москва : Группа компаний РИПОЛ классик : Панглосс, 2020. — 340 с.
- Кожев А.В. *Введение в чтение Гегеля (Лекции о Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе)*. — Санкт-Петербург : Наука, 2003. — 792 с.
- Man H. de. *Vermassung und kulturverfall; eine diagnose unserer zeit*. — Bern : Francke Verlag, 1951. — 210 p.
- Seidenberg R. *Posthistoric man. An inquiry*. — Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1950. — X, 246 p.
- Кампер Д. *Государство в голове, неистовство сердца. Замечания Эрнста Юнгера к «постистории» // Судьба нигилизма*. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — С. 121–135.
- Манхейм К. *Диагноз нашего времени*. — Москва : Юрист, 1994. — 700 с.
- Vaudrillard J. *The illusion of the end*. — Stanford : Stanford University Press, 1994. — VIII, 123 p.
- Делез Ж. *Переговоры, 1972-1990*. — Санкт-Петербург : Наука, 2004. — 232 с.
- Gumbrecht H.U. *Production of presence what meaning cannot convey*. — Stanford : Stanford University Press, 2004. — XVII, 180 p.
- Бодрийяр Ж. *Общество потребления : его мифы и структуры*. — Москва : Культурная революция ; Республика, 2006. — 269 с.
- Делез Ж. *Различие и повторение*. — Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. — 384 с.
- Вирильо П. *Тирания настоящего времени // Искусство кино*. — 1996. — № 1. — С. 130–133.

Бойм С.Ю. Общие места : Мифология повседневной жизни. — Москва : Новое литературное обозрение, 2002. — 310 с.

Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. — Москва : АСТ, 2017. — 384 с.

Макки Р. Сториномика: Маркетинг, основанный на историях, в пострекламном мире / Р. Макки, Т. Джерас. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2019. — 280 с.

Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.

Bal M. Towards a relational inter-temporality // *The transhistorical museum : mapping the field*. — Amsterdam : Valiz, 2018. — Pp. 48–63.

Crowther P. *The transhistorical image : philosophizing art and its history*. — Cambridge : Cambridge university press, 2002. — 218 p.

The transhistorical museum : mapping the field / Wittcox E., Demeester A., Carpreau P. [et al.]. — Amsterdam : Valiz, 2018. — 222 p.

Skinner Q. *The foundations of modern political thought: in 2 vol. Vol. 1*. — Cambridge : Cambridge University Press, 1978. — 305 p.

Pocock J.G.A. *Political thought and history : essays on theory and method*. — Cambridge : Cambridge University Press, 2009. — XVII, 278 p.

Martindale C. Reception — a new humanism? Receptivity, pedagogy, the transhistorical // *Classical Receptions Journal*. — 2013. — Vol. 5, № 2. — Pp. 169–183. — DOI: 10.1093/crj/cls003.

References:

Fukuyama, F. (1992) *The End of History and the Last Man*. New York: Free Press.

Barg, M. A. (1987) *Epokhi i Idei: Stanovleniye Istorizma [Epochs and Ideas: The Formation of Historicism]*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).

Hartog, F. (2015) *Regimes of Historicity Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

Assmann, A. (2013) *Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne*. Munchen: Hanser. (Russ. ed.: (2017) *Raspalas`sviaz`vremena? : vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.).

Jameson, F. (1991) *Postmodernism or, The Cultural Logic of Late Capitalism*. Durham: Duke University Press. (Russ. ed.: (2019) *Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma*. Moscow: Institut Gaydara Publ.).

Koselleck, R. (2002) *The Practice of Conceptual History : Timing, History, Spacing Concepts*. Stanford (Cal.): Stanford University Press.

Koselleck, R. (2010) 'K Voprosu o Temporal'nykh Strukturakh v Istoricheskom Razvitii Ponyatiy [To the Question of Temporal Structures in the Historical Development of Concepts]', in *Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metaphor [History of concepts, history of discourse, history of metaphors]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 21–33. (In Russian).

Lukács, G. (1937) *The Historical Novel*. London: Merlin. (Russ. ed.: (2014) *Istoricheskiy roman*. Moscow: Common Place Publ.).

Koposov, N. E. (2011) *Pamyat' Strogogo Rezhima. Istoriya i Politika v Rossii [Memory of a Strict Regime. History and Politics in Russia]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

Repina, L. P. (2007) 'Memory and Knowledge of the Past Within the Structure of Identity', *Dialog so Vremenem*, (21), pp. 5–21. (In Russian).

Wojciech, W. (2010) 'Classical Historiography as Bearer of National (Nationalist) idea', *Dialog so Vremenem*, (30), pp. 5–13. (In Russian).

Boym, S. (2002) *The Future of Nostalgia*. New York: Basic books. (Russ. ed.: (2019) *Budushcheye nostalgii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).

- Bauman, Z. (2016) *Retrotopia*. Cambridge: Polity. (Russ. ed.: Bauman, Z. (2019) *Retrotopia*. Moscow: VTSIOM Publ.).
- Akker, R. van den., Gibbons, A. and Vermeulen, T. (2017) *Metamodernism Historicity, Affect and Depth after Postmodernism*. London ; New York: Rowman & Littlefield. (Russ. ed.: (2020) *Metamodernizm: Istorichnost', Affekt i Glubina posle modernizma*. Moscow: RIPOL Classic Publ.).
- Kojève, A. and Queneau, R. (1947) *Introduction a la Lectures de Hegel; Lecons sur La phenomenologie de l'esprit, Professees de 1933 a 1939 a l'cole des Hautes-etudes*. Paris: Gallimard. (Russ. ed.: (2003) *Vvedenie v ctenie Gegelja lekci po Fenomenologii ducha, citavsjesja s 1933 po 1939 g. v Vyssej prakticeskoj skole*. Saint Petersburg: Nauka Publ.).
- Man, H. de (1951) *Vermassung und Kulturverfall; eine Diagnose unserer Zeit*. Bern: Francke Verlag.
- Seidenberg, R. (1950) *Posthistoric Man. An Inquiry*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.
- Kamper, D. (1990) 'Weltstaat im Kopf, Wildnis im Herzen. Ernst Jungers Anmerkungen zum "Post-Histoire"', *Text+Kritik*, (105/106), pp. 82–88. (Russ. ed.: (2006) 'Gosudarstvo v golove, neistovstvo serdtsa. Zamechaniya Ernsta Yungera k «postistorii»', in *Sud'ba nigilizma*. Saint Petersburg: Izdat. S.-Peterburgskogo Univ. Publ., pp. 121–135.).
- Mannheim, K. (1934) *Diagnosis of our Time; Wartime Essays of a Sociologist*. London: Routledge & K. Paul Ltd. (Russ. ed.: (1994) *Diagnoz nashego vremeni*. Moscow: Yurist Publ.).
- Baudrillard, J. (1994) *The Illusion of the End*. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Deleuze, G. (1990) *Pourparlers, 1972-1990*. Paris: Minuit. (Russ. ed.: Deleuze, G. (2004) *Peregovory. 1972-1990*. Saint Petersburg: Nauka Publ.).
- Gumbrecht, H. U. (2004) 'Production of Presence What Meaning Cannot Convey'. Stanford, Calif.: Stanford University Press.
- Baudrillard, J. (1970) *La société de consommation : ses mythes, ses structures*. Paris: Folio. (Russ. ed.: (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Yego mify i struktury*. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika.).
- Deleuze, G. (1993) *Différence et Répétition*. Paris: Presses universitaires de France. (Russ. ed.: (1998) *Razlichie i povtorenie*. Saint Petersburg: Petropolis Publ.).
- Virillo, P. (1996) 'Tiraniya Nastoyashchego Vremeni [The Tyranny of Real Time]', *Iskusstvo Kino*, (1), pp. 130–133. (In Russian).
- Boym, S. (1995) *Common Places : Mythologies of Everyday Life in Russia*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. (Russ. ed.: (2002) *Obsie mesta : mifologia povsednevnoj zizni*. Moscow: Novoe literaturno obozrenie Publ.).
- Hobsbawm, E. J. (2013) *Fractured Times Culture and Society in the Twentieth Century*. London: Little, Brown. (Russ. ed.: (2017) *Razlomannoe vremia : kul'tura i obshchestvo v dvadtsatom veke*. Moscow: AST Publ.).
- McKee, R. and Gerace, T. (2018) 'Storynomics : Story-driven Marketing in the Post-Advertising World'. New York: Twelve. (Russ. ed.: (2019) *Storinomika : marketing, osnovannyi na istoriakh, v postreklamnom mire*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.).
- Bachmann-Medick, D. (2016) 'Cultural Turns : New Orientations in the Study of Culture'. Berlin: De Gruyter. (Russ. ed.: (2017) *Kul'turnye povoroty novye orientiry v naukach o kulture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.).
- Bal, M. (2018) 'Towards a Relational Inter-Temporality', in *The Transhistorical Museum : Mapping the Field*. Amsterdam: Valiz, pp. 48–63.
- Crowther, P. (2002) *The Transhistorical Image : Philosophizing Art and its History*. Cambridge: Cambridge university press.
- Wittoch, E. et al. (2018) *The Transhistorical Museum : Mapping the Field*. Amsterdam: Valiz.
- Skinner, Q. (1978) *The Foundations of Modern Political Thought: in 2 vol. Vol. 1*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pocock, J. G. A. (2009) *Political Thought and History : Essays on Theory and Method*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Martindale, C. (2013) 'Reception — a New Humanism? Receptivity, Pedagogy, the Transhistorical', *Classical Receptions Journal*, 5(2), pp. 169–183. doi: 10.1093/crj/cls003.

Информация об авторе

Дмитрий Геннадьевич Горин — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и социологии Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, 117997, Москва, Стремянный пер., 28, корп. 1, ауд. 340 (Россия).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Dmitry G. Gorin — Doctor of philosophical science, professor of the Department of Political Science and Sociology of Plekhanov Russian University of Economics. Office 340, 28-1, Stremjannyj per, Moscow, Russia, 117997 (Russia).

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 12.03.2021; одобрена после рецензирования 24.05.2021; принята к публикации 26.05.2021.

The article was submitted 12.03.2021; approved after reviewing 24.05.2021; accepted for publication 26.05.2021.